

Калининград – место перемен

«Считаю девяностые годы того века не лихими, а святыми». (Наина Ельцина)

Девяностые годы и перефразированный клич Ельцина: «Берите свободы столько, сколько проглотите!» – в России был понят буквально, разом выбрались из всех щелей Шариковы с жадой: «Отобрать и поделить!» к ужасу не только профессора Преображенского: «Я так и знал!», но и любого нормального человека. Их разнузданность – отсутствие стыда, вседозволенность – отсутствие оправданий, всеядность – отсутствие разборчивости и меры захлестнули рухнувшую в одночасье страну. Откуда только из советских честных тружеников взялись рэкетеры, слово тогда новое и незнакомое, а попросту организованные банды по захвату чужой собственности и, прежде всего, государственной? На высшем уровне у Ельцинского пирога хватали недра, землю, прииски, заводы-гиганты, придавая грабежу законный вид, а пониже уровнем драли и рвали оставшиеся заводы и фабрики новоявленные «деловые люди» с попустительства местных властей. Да и могла ли местная власть сопротивляться лихим парням, не проще ли дать им свидетельства на захваченную собственность, чем объяснять незаконность? Лучше отмечать с ними юбилеи и писать о них хвалебные статьи в газетах. А как же! Новый класс пришёл – будущие бизнесмены. С попустительства начался виток размножения в России новых алчных людей, продажных и хищных, по ним продаётся и покупается всё – совесть, честь и даже жизнь, которая тоже имеет свою цену – чужая не в счёт, а своя – чем дороже, тем лучше.

Однако были и другие, на ту пору никому не интересные, а чего, простите, с них взять? Две прорабские будки в поле, да кучка русских людей выброшенные из Литвы в Россию, да нужник – выгребная яма на морозе. И начальник у них, сильно смахивающий на кэбэшника – сорока двухлетний, чернобородый, вытуженный прибыл в Калининград из Вильнюса, и чего-то тут начал организовывать, на что-то надеяться, а у самого ни кола, ни двора. Рюкзак за плечами, в котором важная бумажка, приказ советского ген. директора Питерского треста о назначении Михаила Пухова директором в дочернем предприятии в Калининграде, и ещё ложка, плошка, зубная щётка с пастой да полотенце. От бандитов плевков сквозь дырку в зубах – тьфу, пустой горшок!

С чистого листа без страха и упрёка начал Михаил новую жизнь в ново дельной России. Есть голова и руки, есть страстное желание выжить и помочь тем, кто также с ним приехал от нужды из недружественной республики. Куда было бы проще взять и торгачуть дамскими колготками или заложить шубу жены для взноса первоначального капитала в миллиардный бизнес, как некоторые в те годы будущие российские олигархи. Можно им и поверить, если бы они не харчились в ту пору при дележе близ Ельцинского пирога. Но Михаилу тот чужой кусок был без надобности, он всё в жизни делал и созидал сам, и ел свой заработанный хлеб. Он на новом месте решал непростую задачу, как добыть тот хлеб без первичного капитала, без покровительства и без грабежа.

Михаилу повезло – в ту пору существовал между энергетиками негласный союз, товарищество, позволяющее по звонку ли, по чьей-либо просьбе без обиняков оказывать друг другу помощь, тогда встречали коллегу, неважно откуда бы он не приехал, как дорогого гостя и провожали с почётом. Поэтому по прибытию в Калининград, никого не зная, Михаил отправился напрямик к директору электростанции №1, представился ему, и после рукопожатия тот не оставил за воротами пришельца, дал Михаилу и его работникам об-

щежитие для проживания, красный уголок для работы и как истинный товарищ (слово из советской действительности), помогал чем мог. Первыми работниками были свои, Вильнюсские, которые возвращались в Россию, потеряв родину и общий адрес Советский Союз, ставшие изгоями в своей стране по прихоти обиженного Свердловского партийца. Удивительно, но калининградцы, к которым обращался Михаил, независимо от места работы и должности в администрации ли, толи в налоговой, везде и всюду шли ему навстречу, а потому Михаил легко прошёл регистрацию для нового предприятия, встал на учёт и скоро по веянию времени его коллектив стал акционерным. Душа у Михаила пела – вернулся домой к своим, везде русская речь и хрен там, что свищет ветер в поле и карманах, и пока что вместо жилья угол на планете – всё это дело наживное. Брались за любую работу. Скупым рыцарем Михаил собирал по крохам, но не скаречничал, обустроивал сносные условия на работе и в быту. Отремонтировали и подготовили к зиме бытовки, они же и представляли офис, внутри поклеили светлые обои с цветочками, которые заработали на ЦБК, со временем приобрели и компьютеры. Скоро на станции ТЭЦ-2 понемногу началось движение, появилась серьёзная работа, а работой монтажников, как пса буханкой, не запугать, значит, пойдёт жизнь, как зеленая поросль ржаного поля. Однако Михаилу нужен был помощник, просто позарез нужен помощник!

Друг юности

Друг юности, специалист в энергетике, приехал и уехал, сказал: «Не верю! Ничего у тебя не выйдет. Другое дело у меня – всё схвачено, торгую цветным металлом», – и, смакуя подробности, описал чудо своего финансового успеха. – «Вот смотри», – метнул для зависти на стол стодолларовые купюры. Михаил не обиделся, настаивал на своём, пытался уговорить друга остаться, ведь знающий человек Антон, – «Антоша, ведь ты энергетик, ты же специалист, иди главным, квартиру через полгода на станции тебе выхлопочу, семью привезёшь, зачем размениваться? Нравится быть спекулянтом? Ты ж специалист, таких раз, два и обчёлся, опытный инженер, как раз здесь для тебя живая работа! С тобой у нас всё получится», – но вдруг увидел по отчуждению в глазах друга – бесполезно! Убеждать бесполезно, против зелёных не попрёшь, если свои финансы поют романсы, и Михаил отступил.

Антон уехал, благо не догадался Михаил, что тот не мог принять его предложение из самолюбия, ему просто нестерпимо верховенство друга, ведь это он, Антон, бывший начальник с успешной карьерой, он, а не Михаил, и что? Теперь идти к Мишке в подчинение? Ни за что! Да и куда идти? Ладно и то, что посмотрел на смешные его потуги, на нищету и не нашёл ни одного аргумента «за», ни с какой стороны не вырисовывается у Михаила в обозримом будущем перспектива, поэтому неразумно, ему, Антону, соглашаться участвовать в заранее провальном предприятии. Если бы Мишка только представил – каким он, Антон, стал крупным предпринимателем, правда, он не один, а вместе со своим соратником по спорту повёл крутое дело, по Мишкиному спекулятивное – цветмет из Северного района России и в Эстонию, зато жуть какие большущие деньги крутятся, валюта! Мишке не снилось! Не понял друг – время круто взяло вираж: советской власти нет, как не крути сапоги безногому не приставишь, диктатуры пролетариата нет – похерили вместе с Союзом, свободы – сколько проглотишь, оттого-то кому не лень все ею пользуются. Ельцинская власть Белый дом бомбит, только чёрный дым столбом, и внизу не надо зевать, каждый свою жар-птицу дерёт за хвост, а Мишка отсталый, консерватор, честно

заработать хочет как при коммунистах. Смешон? С точки зрения Антона – наивен и глуп. В общежитии живёт, и Антона туда же за собой тянет, а шикарную квартиру, которую недавно Антон купил – бросить? Счёт в банке с шестью нулями, женщин, рестораны, бросить? Совсем что-ли дурак?

Михаил по незнанию сказал: «Семью привезёшь»... Давно нет у Антона семьи, жена Сара и сын Денис остались жить в Эстонии, Антон же теперь – на севере в Российском городе Че. С женой разъехались по-доброму, чувства испарились ещё лет десять назад в пору его романа с Нонной, с тогдашним личным тренером. Работа – работой, там он был советский начальник, но спорт для Антона даже не хобби, а истинная с юности любовь, он и Мишку волейболом увлёк, и сам не оставлял это занятие никогда, гордась, что он по этому виду мастер спорта.

Однажды вместо тренера появилась тренерша Нонна, под стать ему высокая и сильная, с хорошим нравом и без комплексов. Давно уяснившая, что для мужчин, чем больше сдержана женщина, тем меньше в ней живости, а значит и привлекательности. А привлекательной быть хотелось и не только. Антону поневоле приходилось с ней везде бывать – вечерами на тренировках, в поездках на ветеранские соревнования. Так исподволь закрутился нешуточный роман. А почему бы и нет? Антон видный мужчина ростом под два метра, при авторитетной должности, как спортсмен в форме, денежный и ухоженный, правда, рыжий, но это даже пикантно. Приглянулся он тренерше, а она ему, но от жены Антон ни за что бы не ушёл, ему дома было хорошо. Сара домовитая и предсказуемая, к тому же первая его любовь ещё со школьной скамьи, хотя сын пока балбес, но тоже ведь любимый и единственный. Всё испортила Нонна – не удержалась и обо всём доложила мужу, а тот в растрёпанных чувствах пришёл к ним в дом обличать любовника, лучше бы за углом в ярости морду набил, а то явился выяснять – правда, не правда. Антон признался тогда жене Саре: «Правда». Жена Антона – кремень, выслушала, вежливо поблагодарила чужого обманутого мужа и спать пошла, а наутро без слёз собрала чемодан и выставила у порога, с благим намерением, дескать, любишь другую, так я тебе мешать не буду, иди к ней и не мучайся со мной. Чинно и благородно. Вроде доброе дело сделала, а вроде наказала.

В момент встречи с Михаилом Антон считал себя свободным мужчиной. Нет, с женой не был в разводе, просто жили не вместе, а с Нонной на ту пору он тоже расстался. Живя с тренершей на съёмной квартире, он без причины маялся, порой грустил по своим, по сыну Дениске даже очень, но приходилось терпеть, воспитывая чужого пацана, к тому же одноклассника родного сына. При проществе полугода Нонна, думая его обрадовать и наконец-то укрепить их отношения, сообщила, что ждёт ребёнка, но Антон известие встретил без настроения, почувствовав вдруг, как от испуга засосало под ложечкой, с обречённостью подумал, что этот ребёнок ему совершенно ни к чему. У него с женой уже есть сын, у Нонны есть свой, который живёт с ними, зачем ещё новую обузу на себя взваливать? Нет, к жертвенности Антон не расположен, и хомут этот ему не нужен, да и не мечтал он обрести семью с кучей детей, ведь дети не на день или два, они до конца дней чего-то у него просить будут, ответственность опять же. Такой расклад связывал его по рукам и ногам, что может быть хуже, когда во сне приходила надежда, видел себя снова дома, где Сарой надраена до блеска ванна, рубашки свежи и выглажены, тёплый ужин на столе, и нет перебоя с чистой спортивной одеждой? Явь перечёркивала его свободу выбора, и ребёнок ставил точку временным обстоятельствам. Ни слова не сказав Нонне, утром он уже был у жены с чемоданчиком, просил прощение и разрешение остаться в семье.

Бросил Антон беременную Нонну, а та, между прочим, от мужа ушла вместе с сыном, квартиры лишилась, финансовой поддержки, понадеялась, как любящая женщина на Антона, на его любовь к ней.

Михаил подробностей любовных историй друга не знал, но за то, что было ведомо, не осуждал – мало ли в жизни случается неурядиц, особенно у мужиков, и заранее за всё прощал Антона, считал его пусть не по крови, но по дружбе братом, всегда готов был душу нараспашку, только тот спроси. Отъезд сильно огорчил Михаила. Друзья ещё не знали, что эта встреча была для Антона судьбоносной, и отказ остаться в Калининграде – самой большой ошибкой в его жизни.

Дрянное дело

Девяностые – безумные в своей жестокости, будто из ада вырвалась наружу дикая сила алчности и охватила людей, началась схватка за жирные куски, сбитые в стаю бандиты устраивали делёж и грабёж, рвали из горла вместе с кадыком у тех, кто вздумал наудачу обогащаться правдами и неправдами, в их число попал и Антон. Через полгода после встречи с Михаилом в Эстонии расстреляли в машине его напарника, и Антон, спасаясь, рванул в Россию, решил затеряться на Севере, залечь в новой квартире города Че, заткнуться и затихнуть, даже в фортку нос не высовывать.

Но матёрые бандиты нашли его. словно три бычьих головы без шеи, прямиком посаженные на плечи, с кувалдами вместо кулаков, с ощеренными ртами требовали от него кожаную сумку с миллионом долларов, которую Антон в глаза не видел. Ещё не ведая беды, на угрозы стал многословно и деловито увещевать незнакомцев, напирая на слово «господа», при этом у него ни один мускул не дрогнул на холодном без выражения лице. Своей невозмутимостью Антон лишь сильнее разозлил чужаков, которым хотелось скорее получить всё, что они затребовали, а умная болтовня, не пахнувшая невиновностью, лишь раздражала и озлобляла. В своей благополучной жизни Антону не приходилось сталкиваться с такими низкого пошиба человеческими элементами, и оттого он был поражён злодейством, когда они набросились на него. Бандюганы измывались и мучили Антона до утра. Никогда, никто в жизни его никогда пальцем не тронул. Его! Которому прочили успех, карьеру, спортивные победы, женскую любовь и счастливую жизнь! Его, который верил в свою исключительность и удачливость.

Очнувшись избитый в кровь Антон, вдруг заметил спортивную сумку, которую накануне гибели напарник по бизнесу сунул ему в багажник, и, думая, что это просто какие-то вещи, Антон бросил её у входа рядом со своей барсеткой и потом о ней не вспомнил. Копаться в чужих вещах ему претило. Сквозь туман в голове до него дошло: «Деньги там. Там деньги, там! Пусть заберут, только оставят меня в покое!»

– Эй, господа хорошие, ищите в той синей сумке, что стоит у порога, всё забирайте! Меня оставьте, оставьте меня, – бессильно произнёс он.

В эту ночь сломался Антон, что-то хрустнуло внутри, будто подрубили крепкий ствол дерева, и его мозг, тело, душа наполнились ужасом из-за людей, топочущих, ржущих, пьющих, матерящихся по-чёрному, из-за краха его предприятия вместе с шикарной квартирой, счетами и наличной валютой переданной ему убитым напарником, а теперь разбросанной по столу. Из-за сожжённых сигаретами рук. Какое наваждение! Вчера ещё жизнь казалась звёздной чашей, летящей в свободном парении и по желанию, а теперь пуста, как мёртвый улей. Находясь в прострации, услышал:

– Гинтеллигенты, мать их так, лезут сволочи и хотят нас поиметь, а имели и будем иметь их мы. Совсем скуксился. Что нам с этим-то жмуриком делать? Добить что ли? Хотя итак вряд ли он жилец.

– Нельзя. Не велено. Он нам ещё для нотариуса сгодится.

– А долго того хмыря ждать?

– А чёрт его знает... Сейчас Волосатый притащит. А вдруг эта гнида подписывать откажется?

– Тогда точно прибьём, умоется юшкой до ушей.

– Не откажусь, – прохрипел Антон. – Тем и спас свою жизнь.

После страшной ночи, казалось, огненная черта прошла между днём вчерашним и сегодняшним, и то, что радовало и имело смысл вчера, на другое утро сгорело синим пламенем в конец, оставив пепелище. Бессилие, обида, а с ними тоска заливали душу, ничего не хотелось предпринимать, бороться не хотелось и жить тоже не хотелось. Состояние краха усугублялось мыслями о смерти, о наступившем конце и не чьей либо, а его, Антона жизни – словно голым уселся на большой дороге среди поля и ни души. Жизнелюб, он не вынес её горечи, и с той же силой любви возненавидел свою жизнь. Давило на душу не проходящее отчаяние, которое взяло его за горло с того ночного кошмара, с унижения, раздавленности его собственного «Я», с ощущения пустоты, широкой как бездна. В голове рисовались картины и способы, как прервать её постылую, так беспощадно и жестоко добившая его, но одна трезвая мысль всё же его посетила: «Только не здесь. Не в этой, теперь уже чужой квартире, похоронить некому, а эти мерзавцы просто выкинут меня на помойку, вернее моё тело», – и завыл в голос, потому что тело было сильное, красиво сложенное, но из-за душевной муки совсем ненужное, и всё же жалкое. Но тогда куда деться, зачем и к кому податься? Гордое одиночество не нашло в памяти ни одного человека, кроме Михаила, который один не бросит, всё сделает для него, похоронит по-человечески, не оставит на растерзание псам.

Побитый и униженный он приехал в Калининград к Михаилу, скрыв за непроницаемым лицом свою думу во что бы то ни стало умереть, совсем не замечая дружелюбия и сердечности друга, спросил:

– Возьмёшь меня на работу? Я навсегда вернулся.

– С радостью! С превеликой радостью!

Только Марта, жена Михаила, вымалившая у Николая Угодника помощника мужу, не почувствовала с приходом Антона облегчения, что-то настораживало её в молчаливости Антона, за ней угадывалась скрытность, боязнь сказать лишнее, боязнь открыться и признаться, но в чём? В той задней мысли, что читалась в его глазах, в безликости и скованности его лица, в отстранённости ото всех, в отсутствии маломальских желаний. В Антоне она ощутила ту тишину, которая случается в природе перед страшной грозой. Зато Михаил от радости места себе не находил, пел и строил планы на будущее, не предполагая, что они могут оказаться воздушными замками. Рассыплются, не успев материализоваться. Ведь в сильном помощнике, это-то предвидел Николай Угодник, более всего нуждался приехавший и потерявший, казалось, всё на свете Антон. Бесконечно нуждался он в сердобольности Михаила и Марты, а потом, не попросив прощения, будет нуждаться в их бескорыстном прощении, в прощении до самого конца, по христиански...